

Телемама

МОНОПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Надежда Лаврентьева, бывшая популярная телеведущая, 80 лет

(Эту роль может исполнить актриса или актёр любого возраста).

Все события и персонажи пьесы – вымышленные, все совпадения – случайны.

1. Пробуждение.

В комнате – полумрак. Уже давно утро, просто солнечный свет с трудом пробивается сквозь плотно задёрнутые занавески. Скромная «старушечья» обстановка: сервант, сундук, старенький чёрно-белый телевизор на тоненьких ножках, простая кровать, табуретка, швейная машинка, ширма, кресло, торшер, зеркало. Надежда Лаврентьева спит. На прикроватной тумбочке – большая пепельница, полная окурков, пустая пачка папирос, очки, несколько пузырьков и коробочек с лекарствами, ваза с цветами и пачка свежих газет. На стенах и в серванте – фотографии, а также немногочисленные награды, полученные Надеждой Лаврентьевой за 40 лет служения отечественному телевидению. На фотографиях: две обнимающиеся девчушки-сестрички (видно, что этот снимок сделан очень давно); две улыбающиеся старушки-сестрички; серьёзная девочка лет двенадцати, смотрящая исподлобья и обнимающая большую игрушку с пушистыми ушами; сама Надежда Лаврентьева в период своей славы – со сногшибательными причёсками, ведущая некогда популярные телепередачи.

НАДЕЖДА ЛАВРЕНТЬЕВА (*просыпается, берёт палку и стучит ею по батарее, глядя в потолок*). Вера! Верочка! Ох, как поздно уже. Что же ты меня не разбудила пораньше. Девочка моя могла позвонить, а я сплю... (*Раздражённо стучит.*) Верка, ну где ты там! Меня поднимать пора! Ах ты, чёрт, я и забыла. Сегодня ж воскресенье. На службу побежала ни свет ни заря. В церковь. (*Обращается к фотографии девочки.*) Доброго тебе утра, доченька! Диночка моя! Вот видишь, я сама встаю. Сама. Ох!.. Ничего-ничего. Всё пройдёт. Всё пройдёт. Просто встала резко. По привычке. (*Присаживается на кровать.*)

Я же раньше как вскакивала – словно и не спала. И на работу – бегом-бегом... Пока ты спишь ещё... А то проснёшься, бывало, раньше, чем я уйду, да как вцепишься в юбку – и ревьешь... А мне же в этой юбке – в эфир выходить! Ни одной складочки не должно быть. Ни одного пятнышка. Я же идеалом работала... Эталон... Красоты, женственности, материнской любви... (*Надевает очки, рассматривает газеты.*) Вот – так и написали к юбилею – «э-та-лон». Вспомнили, гады... Правда, теперь спешить уже некуда... Да, некуда...

(*Накидывает на себя халат, ноги вставляет в стоптанные тапочки. Пытается достать папиросу, но пачка пуста.*) Как же это я? Опять вчера всю пачку? Нельзя же мне... И врач говорит: «Только свежий воздух! Так и до ста дотянете». А что мне тянуть?.. (*Ищет в тумбочке новую пачку.*) Да если бы было что тянуть!.. Да я бы!.. Уж я бы вытянула... (*Находит новую пачку, с трудом пересаживается в кресло, вставляет папиросу в длинный мундштук, закидывает ногу за ногу и с удовольствием затягивается, выпуская облачка.*) Ну вот, даже цветы завяли. Вчера только принесли... Задохнулись, бедняжки. Опять Верка ругаться будет, что дышать совсем нечем. «Я же проветривала перед сном, а ты опять! Не бережешь ты себя, сестричка, моя маленькая. Надо старшую слушаться. Надо!»

(*Обращается к фотографиям.*) Ничего мне уже не надо, Верка. Лишь бы Диночка моя позвонила... Соседи вот вспомнили, цветы принесли. А ты – шарфик связала. (*Накидывает на плечи красный шарф.*) Красивый-то какой, мягонький... Вот теперь и мне будет чем голову покрыть, когда в церковь пойду. Да, надо бы сходить... Надо. Уже три года тут в вашей глуши живу, да всё не решусь. И из квартирки этой ни ногой. Сижу вот и жду. А вдруг она позвонит, а я в скверике там прохлаждаюсь?.. Или, не дай боже, в церкви?!.. Ты уж, как и раньше, давай сама, Верунчик – за себя и за меня. Ты сама лучше знаешь, куда мои свечки ставить – одну за здравие, две – за упокой.

Даже эти были... Прессовики местные. Интервью вон брали. Для местных я ещё звезда... Да. А из московских коллег – так никто и не позвонил... Тоже мне – эфирные братья и сёстры! И она вчера забыла... Доченька моя. Да нет! Она не забыла. Видимо, занята была очень. Работа ответственная. Кадровик же она. Тасует людей, распределяет их по масти и званию. (*Тасует колоду карт, рассматривает карты.*) Дама пик... Да, я всегда была дамой пик, хоть и блондинка. Я была самой важной дамой в их телеколоде. А теперь? Битая, потёртая, старая, помятая... Пиковая баба. (*Смеётся.*) Но масть свою – я не поменяла! Любого короля – и сейчас уложу! Дали бы мне ещё карты в руки, да я бы... Ладно, что это я опять... Раздухорилась, старая кляча... (*Раскладывает привычно пасьянс.*) Позвонит Диночка – не позвонит... Позвонит моя девочка – не позвонит... Позвонит... (*Телефонный звонок.*)

2. Звонок.

Я же говорила! Диночка моя! Я знала, знала... Да!.. (*Далее – поставленным дикторским голосом.*) Да, это я. Кто?.. Ах, здравствуйте, Константин, здравствуйте. Вот уж не ожидала. Да как я живу... – жива вот ещё. В мои годы это уже что-то... Юбилей? Да какой юбилей, Костенька! 80 лет кто отмечает? Это же дважды по сорок, а сорок никто не отмечает, примета такая. Ну, спасибо, спасибо... Да ничего, что не вчера. Я и сама забыла. И им привет передайте, коли помнят...

Куда? В Москву? Да что вы. Кому я там нужна?.. А... Церемония награждения? Ну, это другое дело. Премия Лавра... Мне? Но я ведь – уже столько лет вне эфира... Это к юбилею, да? Ах, за заслуги... За выслугу лет... Согласна... Сорок лет в эфире не каждый, не каждый... Спасибо вам, Костя, спасибо. И за деньги ваши спасибо. Да-да, каждый месяц приходят, исправно... А? Конечно же, приеду, о чём тут речь! Да я как кобыла здорова! Было бы что тянуть... Да-да, лошади в стойле мрут, я знаю. От тоски, наверное, от тоски...

Факс? Что вы, Костя, какой тут, в Стойловске, факс! А? Емейла? И никакого Емели тут у меня нет. Диктуйте! Зачем ручка? У меня же память – профессиональная. (*Судорожно ищет и находит листик и карандаш, записывает.*) Ну да, да. С бумажкой меня никто никогда не видел, это точно. Так... Пятого... Да... Знаю, конечно... Да, в курсе... В вечернем наряде... Ну, это вы меня обижаете, Костя, это же естественно! Не в халате же и стоптанных тапочках на церемонию вручения Лавра приходите?!.. Я всё запомнила. Не беспокойтесь, я буду.

Нет, сопровождающих-встречающих не надо. И гостиницы не надо. У меня же дочь в Москве, дочь! У неё и поживу... Да-да, до встречи! А? Денег? Да что вы! Вы меня обижаете – у меня всё есть. Ну, конечно... И мне было приятно... И вам всего доброго, Костенька... Что? Вы мне письма послали? Мешками? Не понимаю – какие ещё письма? Ах, старые... От деток... Ну, спасибо, спасибо. Нет, ещё не приносили. Да-да, приятно будет почитать, вспомнить... Хороший подарок. До встречи на церемонии, Костенька. Я буду. Я обязательно буду! (*Опускает трубку.*)

3. Пошив.

(*Скидывает шарф на кресло. Вскрикивает и начинает бодро ходить по комнате, даже пританцовывая.*) Боже! Боже мой, спасибо тебе! Спасибо! Какая же я счастливая! Оденусь, как леди! Меня в Останкино всегда англичанкой за глаза звали. Не за глаза, конечно, а за мою статью! Вылитая леди! Ну, не Леди Ди, так королева мать!.. Тут втянуть, тут поднять, на каблучки встать!.. Ну как? (*Становится на табурет, чтобы увидеть себя в зеркале.*) О, нет... Леди в штиблете! На табурете...

Ведь зима... Надо ещё и шубу к тому вечернему платью... которого нет. И муфточку к шубе, которой нет, которая к вечернему платью, которого нет... И туфли... А – нет! Туфли же – есть! Главное в них – влезть! (*Открывает сундук, начинает искать.*) Где же они? А? А!.. (*Натягивает туфли.*) Ох... И что? И очень даже ничего-о... (*Встаёт в них, прохаживается, скривившись от боли.*) О!.. Ничего-ничего, и не такое терпели. Так, дальше... Муфточка. (*Копается в сундуке, достаёт муфточку.*) Муфточка?!.. Надо же, осталась! Это шубу я давно уж того... И платья мои все – там же... А жить-то надо на что-то? Ещё эти лекарства... Не могли что ли летом всё устроить?! Да?!.. Хотя... Да что нам зима, правда, Верунчик? Мы же всю блокаду с тобой девчонками пережили! А как я отца нашего замёрзшего на санях везла через весь Ленинград, помнишь?.. Да что там! Тут ещё не околела, так и в Москве не околею! И без шубы. Такси возьму от дома, да и в одном платье и с муфточкой...

Так, а платье?.. Все платья-то – тю-тю... (*Сникает, но тут же оживляется.*) Что же это я! Да платье – не проблема! Платье и из занавесок можно сшить! Мы раньше так и делали. Даже для «Голубого огонька», помню – из занавесок, что в гримёрках висели. Из них и шили. И вся страна ещё потом фасоны наши снимала. А после съёмов – аккуратненько так распаривали, распаривали и – на место вешали.

А почему бы и сейчас?.. А что? Будет, конечно, не «от Кардена», зато – «от карниза»!
Ручная работа! И ещё посмотрим, кто кого!

(Подставляет табурет к окну, снимает занавески.) Ох! Какое солнце!.. Ну что вы пялитесь, что? Да, это я – та самая Надежда Лаврентьева. «Тётя Надя». Только старая и больная. Теперь я – Баба Яга! Понятно? У–у–у!.. Ну, что вам от меня надо? Что?! Идите вы со своими детками сопливыми – в сквере погуляйте! Я сказок больше не рассказываю! И чем бы теперь?.. Да-да, идите вы, идите вы все – в сквер! Скатертью дорога! О, точно – скатерть и закроет. А то этот белый свет!..

Вешает на место занавесок скатерть. Во время последующего монолога – «примеряет» на себя занавеску, делает «на глаз» выкройку и ловко шьёт.

Сказку им в гости подавай! Может, ещё и от всей души? И голубой огонёк с будильником? Всю жизнь для вас пахала, вместо того, чтобы... Теперь и в этом Стойловске проходу не дают. Сидишь тут, как в тюрьме. Лишь передачи одни... и смотришь. Хоть и смотреть-то противно. Ведь что сейчас показывают?! А кто ведущие? Пельмени с хреном да песцы крашенные!.. А для детей что? Да я бы Диночке моей такое и пяти минут смотреть не разрешила!.. Вот мои передачи... Они были... Да... Да на них столько поколений выросло! Да вся страна! И все нынешние президенты их смотрели! И премьеры! Да они на горшках ещё сидели – Вовочка с Димочкой – когда я им сказки рассказывала! Это же я их вырастила! Я! Да *все* тогда мои передачи смотрели! Поголовно!.. Кроме... Кроме доченьки моей единственной. Кроме Диночки моей...

Нет, ну теперь-то... Нет, ну должна же она простить? Ну, было и прошло. Да... Да. Детство я ей загубила. Да, загубила... Нет, ну должна же она хоть гордиться такой мамой? Не у каждого поди... Да и не маленькая ты уже, Диночка. Сколько можно-то зло держать на мать родную, а? Сорок уже вон стукнуло. А всё никак... И не позвонишь... *(Шьёт.)*

Ох, а если она меня вообще не пустит? А я и от гостиницы отказалась. Вдруг не пустит – за порог... Мать родную?.. Да нет – пустит, пустит. Я там прописана всё ж. Ещё ж. Что ж... Да нет – пустит, пустит. С Лавром же. Ну как не пустить? На денёк... А, может, она и не одна уже живёт... Год не звонила. Два. Скоро уже три будет, как не звонила. Только я ей и звонила. Делала вид, что звонила. Для сестры... Да нет – пустит, пустит. Мне же и денег в Москве подкинут. Премия. Лавр всё-таки. За выслугу лет... Всё ей и отдам. Нет, только на дорогу назад возьму. И на похороны. Ну, на дорогу, конечно, она даст. А вот...

Да нет – пустит, пустит. Мать всё-таки родная. Может, в последний раз увидимся. Ох, Дина, Диночка... Все дети меня так любили, так любили. Письма – мешками. Рисунки, поделки... А ты... А ты! Доченька моя родная!.. Доченька моя единственная! Дина! Динушка!.. *(Долго смотрит на портрет дочери.)*

Ну да что ж... Думала всё – вырастет, поймёт мать. И простит. Ан нет. Ну да что ж. Зато я была... Да, была. Только я одна и знаю, что красавицей – никогда не была. А для всех остальных – да. Я работала именно эталоном! Красоты, женственности и материнской любви! Хорошо тут написали. Правдиво... И на фото я ничего. Лет тридцать назад... Вспомнили, гады. Хоть бы кто позвонил вчера из коллег! Весь день прождала... Зато я была... Да таких сейчас нет! Ни одной. И не будет! Сорок лет в эфире! В прямом! Без суфлёров и телетекстов. Без гримёров и этих... стилистов. Всё сама – всё! Уж я умела себя подать! Для любой аудитории. И все любили меня. Все! Вся страна! Девочки и мальчики, бабы и мужики, старики и старухи!..

4. Проект.

Старухи, значит... Списали они меня, да? Неликвид? Просроченный товар? Брак? Не формат?! Да я и сейчас любому фору дам! Любому! У них, может, этикетки поновей, фантики гламурные... А внутри-то – говно! Да неискренность изо всех щелей прёт. Уж я всё вижу, всё. Насквозь! Зрение ни к чёрту, но у меня чутьё на фальшь. Посмотришь их эфиры – одно расстройство. А всё почему? Камертона нет у них. Эталона. Списали его. Списали... В утиль. А я вот – всё живу, да живу. Не рассчитали они... И не дождётесь! Да! – Я приеду! Я ещё приеду. Я ещё покажу, кто кого! У меня ещё будет передача! Да такой проект с руками оторвут! А где же он?... *(Оставляет шитьё, встаёт, что-то ищет везде.)*

Где ж я его спрятала, а? От склероз-сколиоз! Чтобы Верка не пронюхала спрятала, а сама... А, может?.. Нет, ну где ж он, твою мать, а?! Ах, мать! Богородица! Знала, что Верка её не тронет – только молится. А у меня она тут – проектом моим беременная. Ничего, мать, скоро разродимся! *(Достаёт стопку исписанных листов бумаги.)* Вот он! Вот – «В гостях у бабы Нади». Золото! Одно название чего стоит! Актуально? Ещё бы! Сейчас бабушек – что? Правильно, дефицит! Сейчас всем не хватает их тепла, советов, сказок, заплаток на штанишках, носочков вязанных и пирожков с картошкой... А тут – и я вам, здрасьте, добрый вечер! И детей-внуков ваших займу и старость вашу скрашу. Была «тётей Надей» всей страны, буду – «бабой Надей»! Всенародной бабой!

Тут всё просчитано. Всё. Такой рейтинг у передачи будет! Такой рейтинг!.. Я же как облупленных их знаю. Я их всех без грима видела! Ох, и зрелище... А тут я в теме буду – на все сто процентов. И без подтяжек аудитория мне – обеспечена! Да я ж её сорок лет сама растила! Все мои, голубчики. Все.

А кстати... Да, да... А что? Так и сделаю! Я им всё это добро – послать хотела, как раз, под юбилей. Почтой. Да и забыла... Точнее – не решилась. Они ж могли бы и отказать... Или не получить вовремя. Да пока до них дошло-о-о бы, я и окочуриться тут могла. А так – вообще не отвертятся! Я им прямо на церемонии Лавра всё и объявлю! В прямом эфире – на всю страну! И – не – не отвертятся! Ещё драться за этот проект будут! Списали они старую клячу, сволочи. Не на ту напали! Я слишком хорошо подкована, чтобы по Стойловску гарцевать! Я вам ещё покажу и-го-го! Что мне ваше сено? Мне свежая трава нужна! Свежая! Только она мне силы и даёт! Эфир... Прямой эфир! Зрители! Встречи! Письма... Раньше мне каждую неделю мешок приносили. А то и два. И не только от детей! И мамочки сокровенным делились и бабушки. И папочки в любви признавались и дедушки...

5. Примерка.

Ну-ка, примерим... *(Начинает снимать халат, но потом берёт платье и уходит с ним за ширму. Выходит – в платье «от карниза».)* И где тут талия?.. Ничего-ничего, посмотрим ещё, где у *них* будет талия в мои годы... В гробу! *(Смеётся.)* А у меня – всегда была талия! Все видели! Я обруч крутила каждый день. Ох, да что я только не крутила...

Сколько же мне тогда было, а? Да молодая ещё была, чуть за шестьдесят только. Мы на теплоходике по Волге шли. Запись передачи была. С шахтёрами, что ли. Или с врачами. Так вот, после съёмок сижу я так на палубе, ножка за ножку, шляпка... *(Снимает с лампы абжур, надевает на голову.)* Вот так. И курю папироску. Это с блокады привычка. Помнишь, Верунчик, как мы в блокаду с тобой курить начали, чтоб голод глушить? Худющие были!.. Ты потом бросила, а я – так всю жизнь сама себе и порчу...

О чём это я? Ах, да. Так вот, сижу, ножка за ножку, шляпка, папироска. Но – через мундштук. Такой – длинный. Как и ноги. Дальше – талия. Она и сидя видна. Ноги – во. Уже говорила. В общем, в своей коронной позе сижу. Смотрю так мечтательно на волны из-под шляпки. А боковым зрением вижу – мужик на меня пялится. Молодой совсем. И не один же стоит, кобель, с женой, как потом выяснилось.

А мне вдруг поиграть вздумалось. Решила я, что и одного взгляда ему хватит. Это у меня игра такая была, Диночка... «Стрелялка» называется. В общем, один взгляд, но *какой*, я ему и подарила. Обволокла всего бархатным терпким облаком из-под ресниц, пока затяжку делала. И – выпустила лёгкое облачко дыма в его сторону. У него и помутилось. И пошёл, бедолага, как не свой. Не ко мне пошёл – к бортику. Да и – прыгнул! Животом плюхнулся. «Твою мать!» – крикнул и умолк. Смотрю я на него свысока, хохочу, а он – молча – из воды на меня пялится. А потом вдруг как заорёт на всю Волгу: «Спасите меня, люди! Кажется, я влю-бил-ся-я-я!!!»

Ох, да сколько таких было!.. Даже Окуджава ко мне сватался. Это сейчас он!.. Это сейчас о нём!.. А тогда что? Ну, стоит он с цветочками под Останкино и стоит. Все знали – меня ждёт. Маленький такой... А все наши – мимо бегут. И я – мимо. Некогда мне, некогда – говорю. Только глазами так – зырк. Пусть ещё приходит. А что? Приятно же... Занятная эта игра «стрелялка», правда? Когда личной жизни нет, хочется с чужими поиграть. Я и играла...

А ведь я и сама любила, Диночка... Любила... Отца твоего любила...

А как мы познакомились с ним, с отцом... Это же просто кино! Сижу я в ресторане, уж и не помню с кем из коллег. Тут иностранец подходит. Красивый такой, холёный. Не один подходит, с переводчиком. Представляется – Эрик Гранд, из Лондона, сотрудник посольства. И приглашает меня – через переводчика своего – на танец. Знаешь, доченька, в танце сразу можно понять, что за мужчина с тобой. Как он вёл!.. (*Танцует.*) Уверенно, но, одновременно – и нежно. Вот тогда, в танце, я как-то сразу поняла, что это – он. Тот человек, на которого можно опереться по жизни. Тот человек, от которого и родится мой ребёнок... Весь вечер мы общались с ним через переводчика. Он такой образованный, такой чуткий оказался. И ещё – красив, высок... Люблю я красивых мужиков – и всё тут! Дала ему номер телефона.

А утром, представляешь, звонок. Вы простите меня, говорит знакомый бархатный голос. Я никакой не Эрик. Я Юрий. Юрий Градов. Просто очень хотелось с вами познакомиться, поэтому мы с другом и разыграли такой спектакль. Представляешь?.. А я смеюсь. От радости смеюсь. Я уже думала, ну что мне с этим Эриком делать, как жить. А с Юриком... С Юриком – всё может быть!.. Но он не всё тогда выдумал. Он действительно работал в посольстве. А потом и его самого послом назначили. Ну, ты знаешь...

Отца своего ты действительно любила... Как и я... И он меня любил! На руках носил – вот буквально носил. Он же сильный такой... А когда в поездках был – так письмами заваливал...

(Смотрится в зеркало.) А что? Чисто сработано! Платье – «от карниза»! Хоть сейчас на подиум! Не понимаю, что могут продать эти «топ-швабры», кроме своих костей? Вот я – и из занавески моды сделаю. Смотри, Диночка, какая у тебя мать! Берёзка!.. А ведь мне предлагали в манекенщицы пойти. Это ещё до эфира. И до тебя. Я всегда была стройной и длинной. Да-да. Стройной и длинной! Это сейчас я уже...

И в актрисы меня звали. Ой, как звали! На сцену! И что? Да ничего особенного. Это я о сцене. Ну, стояла я на ней бедной Лизой. И руки вот так заламывала, когда Заречной была... «Люди, твари, орлы, крокодилы...» Уже и слова не помню. Что-то там... «мировая душа-а-а»... И что?.. Ну, аплодисменты, букеты, поклонники... Всё это приятно, конечно, приятно. Но – мало! Мало! Пятьсот человек и те – одни и те же рожи. А мне всегда хотелось большего! Мне хотелось, чтобы *все* меня любили! Все! И я добилась своего! Вся страна меня любила – от пелёнок до костылей! Надежда Лаврентьева! Надюша, Наденька, тётя Надя... Для всех я была родной и любимой. Все ждали встречи со мною. Я знаю – ждали. Да и сейчас ждут. И будет им! Будет им – баба Надя, «от карниза» платье!

(Садится на табурет. Говорит, словно в телепередаче.) Добрый вечер, мальчики и девочки, мамы и папы, бабушки и дедушки! Рада снова видеть вас у меня в гостях – в гостях у бабы Нади! Сегодня я расскажу вам сказку об одной маленькой девочке, которая очень хотела, чтобы её все любили...

Думаю, вполне. А? Только чего-то не хватает. Какого-то яркого пятна. Может, розочку? Вульгарно! Сумочку? Базарно! Шарфик?! О, шикарно! *(Накидывает на плечи шарф.)* Спасибо тебе, Верунчик! В церковь я в нём позднее схожу, ладно? Ещё успеется. А пока – на бал! *(Поёт, танцует.)*

Кто мо-о-ожет сравниться с Надюшей моей,
сверкающей искрами чёрных очей,
как на небе звёзды каких-то ночей!..

В ней всё, опьяняет в ней всё, опьяняет в ней всё!

И жжёт, как вино! И жжёт, ка-а-ак вино!

Ну как? Вполне, да? Глоток для храбрости... *(Пьёт лекарство.)* – и в бой! *(Оправляется.)*

6. Репетиция.

Ну, Костя – объявляй!

(Голосом ведущего церемонии.) А теперь – самый торжественный и самый волнительный момент нашей церемонии! На сцену приглашается народная артистка Советского Союза, ярчайшая звезда отечественного телевидения, легендарная Надежда Лаврентьева!

Встречайте!

Зал, конечно, встанет. Встанет-встанет. Овации. Бурные. Цветы. Да, можно и цветы. Я пушу слезу. Нет. Две. Смахну. Фирменная улыбка, влажные глаза. Тут будет крупный план, так, надо тщательно отрепетировать. Лёгкий поворот влево, и чуть вниз. Нет – вверх, поверх зала. Взгляд в будущее!..

Стоп. А проект? *(Берёт проект.)* Куда ж его спрятать? С папкой не дадут выйти, заподозрят. Сюда? *(Прячет на груди.)* Проект от всей души, от всего сердца! Нет, не мой размерчик. Куда же? В причёску накрутить? *(Скручивает в трубочку, прячет в волосах.)* Откуда проект? Из головы! Опа! Ага, а там что останется? Дырка... А, может, как Мерлин Монро? А? *(Задирает юбку и характерным жестом из резинки рейтуз...)* В джазе только – оп! Нет, рекламу сразу пустят – тут до Мерлин как до Курил... А если сзади? *(Пристраивает с «торца».)* Нет, как-то неудобно – опа – и из попы. Вот же задача... А если без него? А смысл? Без него – не вижу никакого... *(Сворачивает в трубочку, смотрит, как в подзорную трубу, замечает муфточку.)* О, муфточка! Гениально! Мягкая, пушистая, а под ней... *(Напевает на известный мотив.)* Пять мину-у-ут, пять мину-у-ут! Дайте только пять минут мне...

О–хо–хо! И–го–го! Р–р–разбудили во мне зверя! Разбудили!.. Ну, берегитесь! Пусть это будет мой последний прыжок... Но какой! Я все силы соберу. Все, до последней косточки! Я все нервы натяну, все жилочки. До упора! До боли! Но это будет та–а–акой прыжок! Через пропасть. Через огонь! Сквозь забвение...

Вы же все меня ненавидели, коллеги мои ненаглядные. Народ любил, а коллеги – ненавидели. Потому что завидовали. Потому что я была – лучше всех! Потолок! Выше уже – не прыгнешь. Сколько же гадостей вы мне делали, ненаглядные мои. И ещё сами на меня телегу катили – вроде «мантя величия» у меня. Да! У меня – «мантя»! «Мантя величая»! Это же защита моя была от ваших ладошек потных и глаз завидующих. Ничего, она ещё не износилась, моя мантя. Она и сейчас меня оберегать будет – от ваших старческих костлявых рук и ваших бледных слезящихся заплывших глазок. Тюфу на вас! Я всегда была выше вас. Да и сейчас вам до меня далеко. Ох, как далеко...

Ну, продолжим... Спасибо! Спасибо вам, дорогие мои и любимые! Я так счастлива снова встретиться с вами. С моими замечательными коллегами и с моими верными телезрителями! И знаете, я решила тоже сделать для вас подарок!.. Тут пауза, а потом – Опа! Вот он – мой сюрприз! Он – для вас, уважаемые коллеги и для вас, дорогие мои телезрители! Скоро мы снова встретимся с вами! Где? «В гостях у бабы Нади!» Именно так будет называться моя новая передача, которая скоро появится в эфире самого лучшего, самого популярного телеканала. Какого, спросите вы?..

Ох, что тут начнётся! Пусть дерутся, пусть. Торро, торро! Я возьму быка за рога! Торро, торро! Я покажу им, как эталоны списывать! Бычье племя! Так, по-моему – отлично! Только ещё завершение надо для звёздной речи. Примерно так: Милые мои, родные, любимые! Телевидение – это моя судьба! Моя судьба и моя главная любовь! И я слышу, как она снова стучит в мою дверь! В унисон с моим любящим сердцем...

В дверь кто-то действительно настойчиво стучит.

7. Письма из прошлого.

Кто там?

Голос. Вам мешки.

НАДЕЖДА ЛАВРЕНТЬЕВА. Какие ещё мешки? Я мешки не заказывала. Своих хватает. *(Открывает дверь.)* Ах, мешки! Конечно, конечно... *(Расписывается.)* Вносите!

В комнату летят мешки.

Ай! Ой! Осторожнее!

Надежда Лаврентьева закрывает дверь, тяжело опускается на мешки, читает надписи.

Семидесятый год? Ох, Костя, Костя... Знал, что подарить! Письма... Привет из прошлого... Одна тысяча девятьсот семидесятый... Мне – сорок семь, а Диночке моей – восемь... *(Сидит на мешке, что-то вспоминает, смотрит на фотографию дочери.)*

Да-да, я тебя родила очень поздно, девочка моя. Аж в тридцать девять. Но это ничего – я здоровая была, как кобыла. Меня буквально из эфира забрали в роддом. А через три дня – снова в эфир. Хоть и роды были трудные... Такая работа, что ж...

Ты ещё такая длинная родилась – вся в меня. Все пелёнки были малы. Так мы их сшивали, представляешь. Точнее – это мама моя сшивала, бабушка твоя, Катя. А я тебя и не пеленала. Ни разу. И не кормила. (*Трогает грудь.*) И не купала... Приду с работы – ты уже спишь. И уходить старалась – пока ты ещё спишь. Чтобы без истерик. Без слёз... А что делать? Такая работа, что ж...

А истерики ты закатывала – будь здоров! И ревнивая всегда была. К моей работе. Все дети к экранам прилипали, как мой эфир, а ты одна – в комнате закроешься и рыдаешь, и рыдаешь...

Как-то я рисунки детские принесла домой, что такими вот мешками мне присылали. Помню, там тогда рыбки золотые были. Было задание такое – нарисовать по сказке золотую рыбку и написать своё самое заветное желание. «В гостях у сказки» все дети страны смотрели. И писем к нам присылали – больше чем в любую другую редакцию. И такие рисунки, аппликации! А ты – никогда ничего не рисовала. Только пятна какие-то мрачные, да существ каких-то непонятных... Бррр... Вот я и решила тебе показать, как дети умеют. Выбрала самые красивые, самые яркие – и показываю. Смотри, Диночка, как детки рисуют! А ты схватила их у меня и давай рвать. На мелкие клочки. А потом – снова в комнате закрылась, и рыдаешь... А с тобою вместе мы и не рисовали ни разу... Всё некогда было. Такая работа, что ж...

Одна тысяча девятьсот семидесятый...

Кажется, это в том году и было... А – нет, чуть раньше, ты ещё в садик ходила. Помнишь, как я волокла тебя в садик, а со мною все здороваются, здороваются, здороваются... Я, конечно, никогда и не отводила тебя, а тут что-то пришлось... Вот со мною все здороваются, здороваются. Ты спрашиваешь: Мама, ты тут самая главная? А я отвечаю – просто меня все любят. Нет, говоришь ты – не все! Кто же меня не любит, спрашиваю? Я! Я не люблю! Почему? Да потому что ты – всехняя мама! Всехняя, а не моя!

Тут дети из садика как набежали: Тётя Надя, тётя Надя! Кричат, на ручки просят, к ногам прижимаются... А ты вырвала ручонку, и убежала куда-то. Пока я детей от себя отцепляла, пока нашла тебя... Ты спряталась за деревом, сидишь комочком, ревёшь и кричишь: «Не люблю! Не люблю! Не люблю! Ты – всехняя мама! Всехняя, а не моя!»

А у меня и времени не было тебя успокоить – эфир скоро. Воспитательницу позвала и ушла. Мы же в прямом эфире выходили, понимаешь, Диночка? Нельзя было опоздать. Такая работа, что ж...

Распечатывает мешок, достаёт детские письма с красочными рисунками, рассматривает, читает.

Смотри, Диночка! А тут как раз – те самые золотые рыбки. Их тогда столько прислали – вся редакция была завалена. Поверили детки, что желания их исполнятся, вот и присылали... Ой, какая рыбка смешная! Кто же это нарисовал? (*Читает, как когда-то, когда вела популярную передачу.*) Светочка Скороходова из Минска, 8 лет. Я хочу, чтобы у меня родился братик, но чтобы он сразу такой большой-пребольшой был как я, потому что мне одной скучно, а мама всё время на работе, а папы у нас нет, он у другой тёти живёт, а мне покупает игрушки, но мама их все выкидывает и плачет. Вот ещё я хочу, чтобы мама не плакала, можно я два желания загадаю, ты же золотая рыбка?..

(*Распечатывает следующее письмо.*) А эта рыбка, смотри, Диночка, на акулу больше похожа. (*Читает.*) Рома Симонян из города Ростов-на-Дону, семь лет. Здравствуй, тётя Надя! Передай, пожалуйста, рыбке, что нам очень нужны деньги. У нас вроде всё есть, только денег всё время нет. Вот мама и папа уходят каждое утро на работу, а приходят очень-очень поздно. Они очень устают и со мною не играют. У них есть время только, чтобы ругаться, а потом обниматься. А бабушка у меня уже старая и я с ней не могу играть в войнушку. Вот зачем мне деньги. Передай это рыбке. Она золотая, у неё их есть много.

Деньги, деньги... А ведь я не за деньги работала, Диночка. Эта работа... Она жизнью моей была. Я не могла без неё никак. Никак, понимаешь?

Когда тебя все вокруг любят и ждут... Это такое чувство...

Вот был случай, опаздывала я на эфир, взяла такси. А таксист вроде и не узнал меня. Сидит молча, серьёзный такой, вот ни разу не повернул голову. А как подъехали, я расплачиваюсь, а он деньги не берёт. Говорит так с акцентом: «Я со своих денег не биру! Когда у меня праздник – ви ко мне в дом приходите. Когда я болею – ви меня навещаете. Когда дети сказку хотят – ви им рассказываете».

Вот как. Таксист. И так – каждый мог сказать. Что я родной для него человек, почти что – член семьи. Только вот ты...

А тогда, с анкетой, помнишь? Это такой шок был для меня! Директор в школу вызвала родителей. Я, конечно, не пошла, отец твой ходил. Вы там анкеты какие-то заполняли – кто родители, кем работают и прочее. И ты... И ты в графе мать – поставила жирный прочерк. Будто нет у тебя матери! Нет... Бабушку даже приписала, об отце всё рассказала, со всеми его званиями... А матери – нет! Пустое место. Точнее даже – жирный такой прочерк...

Я же столько для тебя делала. Всё у тебя было – и игрушками задаривала, и деньги всегда давала. И путёвки по блату... А как ты подросла – так почти всё тебе отдавать стала. А потом – и квартиру вот оставила... Сюда уехала... Это после того случая, как ты меня...

Вот, когда меня – не совсем ещё списали, а отправили в консультанты, ещё ничего было. Я почти весь день в Останкино проводила. И деньги какие-то зарабатывала. Как-то мы уживались ещё с тобою. Конечно, когда друзья к тебе приходили... Я всё понимаю, да. Но я бы и так тихо сидела. Зачем ты меня запирала в комнате? Ни в туалет сходить, ни воды попить... Я всё понимаю, доченька, да...

Но когда меня совсем списали... Проводили, пенсию назначили. Костя вот и от себя пообещал приплачивать. И платит... Да при чём тут деньги! Мне же ходить стало некуда, понимаешь? А жить как? Для чего? От эфира отстранили, ладно, да, не формат, старая, да... Но консультантом я могла бы – и сейчас работать! Никто не знает столько, сколько я. Почему меня выгнали? Не пойму... Это всё интриги какие-то. Интриги. Это всё коллеги мои разлюбезные. Они! Знали, что убить меня можно только одним способом – уволить. И они это сделали!..

Я тебя понимаю, Диночка, понимаю. Я тогда совсем расклеилась. Такая стала – и друзьям твоим показать меня было стыдно. Но я бы ничего, я бы вдоль стеночки... Всё-таки доченька ты моя. Единственная. Сколько раз я прощения у тебя просила. Умоляла. А ты... Словно отомстить мне решила за всё. За детство своё. Вместо мамы – телемама... Неужели... Неужели, ты так никогда и не простишь меня, доченька?!

Знаешь, я же никому – так и не рассказала, что это ты меня тогда... Ну, толкнула... Даже Верунчик не знает. Просто – говорю – упала. Перелом, сотрясение. Старая уже, что ж, бывает...

А в себе ведь – держу. Ведь болит. Больше болит, чем от перелома. У меня и так душа сломлена, а тут и вовсе – как порвалось что-то. Я и в квартиру нашу возвращаться не стала из больницы после всего этого. Хорошо, Верунчик вот к себе забрала. Вот ведь как... Отсюда я в Москву уехала, покорять столицу, тут, видимо, и помру. Значит, судьба такая.

Ты знаешь, доченька, а ведь я давно уже умереть хочу... Только не отпускает что-то... Не могу я так. Даже помереть не могу. Не простившись с тобой, доченька...

Помню, как моя мама, твоя бабушка Катя, как она умирала. На моих руках умирала. Она долго при смерти была, а я всё в командировках... А когда вырвалась, приехала, зашла к ней в больницу, обняла... Только обняла, а она – вздохнула так глубоко... И умерла... Не могла без меня умереть, не простившись... Это же она тебя и вырастила, Диночка. Она, да отец твой, царствие им небесное... Жаль, похоронить я маму свою так и не смогла, опять командировка была. Не отменить было. Такая работа, что ж...

Неужели и ты меня... и не похоронишь даже, доченька? Вот умру сейчас, а ты не приедешь? Хотя, какая мне тогда уже будет разница. Мне бы сейчас. Только бы увидеть тебя, только увидеть...

Знаешь, я тебе браслет ещё хочу передать – вот этот. Почти всю жизнь его носила. Тут и ручная работа и камней немеренно. Вот, смотри. Сам Зураб делал. Он тоже был в меня... Правда, красивый? И дорогущий. Сама не будешь носить, так дочке отдашь. Ну, когда родится. Как же хочется внученьку! Вот и сорок уже тебе, а ты всё никак... Да, а перстень свой, вот этот, я давно ей завещала – внучке моей. Его мне отец твой подарил. Никогда с ним не расставалась. С перстнем. Он платиновый, с сапфирами, в обрамлении бриллиантов. Исполняет желания. Отец твой из Индии привёз. Он, и правда, исполняет... Вот о чём мечтала тогда – всё и сбывалось. И слава, и передачи... и концерты, и поездки. Всё это у меня было. Всё было...

Знаешь, доченька, ты права... Это, конечно, я виновата, что мы с отцом твоим расстались. Как же он любил меня!.. И я его... Красивый, умный – да не в этом дело... Он настоящий был. Настоящий мужчина. Опора во всём. Почти тридцать лет вместе...

И вот ведь как – он меня и бросил! Конечно, сама виновата. Он же меня почти и не видел. Как и ты... А что письма? Любовь через бумагу, любовь через экран телевизора... Это уже суррогат какой-то... Единственный, кого я по-настоящему любила, меня бросил. И всё из-за неё, проклятой. Из-за разлучницы этой. Из-за работы моей...

А потом и ты ещё, как выросла, так совсем от меня отвернулась... А уж когда отец ушёл... Вот только она у меня и осталась... Работа... А потом и её... Цель, смысл всей моей жизни. И её у меня...

На самом деле – я давно уже умерла, доченька. Как от эфира отстранили – так и умерла. Ходила ещё столько лет по Останкино, улыбалась, держалась. Это когда консультантом... Но уже тогда я была – трупом. У меня даже пятна тогда эти появились на лице – как трупные. Осанка, каблуки, причёска – а на самом деле – ходячий труп...

Ну, а уж после того «падения», когда ты... Верке моей врачи так и сказали – в Москве она, то есть я, больше года не протянет, а тут, в Стойловске, под присмотром родных, да и воздух чище, может год-два и проживёт... Вот – третий уже пошёл... Только видели бы эти врачи, какой у меня тут воздух. Ох, Верунчик будет ругаться, как придёт...

Верунчик мой... Я тебе сейчас ещё в одном признаюсь, доченька. Никому не говорила. Это же вообще просто... Просто мрак какой-то, ужас. В голове не укладывается... В общем, у Верки же моей дочка тут. Чуть старше тебя, Люба, сестра твоя двоюродная. Да вы и не виделись никогда. А у Любы – семья такая чудесная... Я как увидела их!.. Муж работающий, два сына-красавца – загляденье. А главное, они такие дружные все. И Верку мальчишки любят, бабушку свою. И меня как-то сразу приняли. Здоровые такие мальчишки!..

А я, ты знаешь, смотрю на их семью, и сердце рвётся от зависти. Дочка, зять, внуки... Всё это счастье у Верки моей – дочка, зять, внуки... И любят друг друга, и счастливы... Точнее... Были счастливы... Это же просто мрак. Я как подумаю, что ведь это, может я... Ну, расскажу... На следующий год, как я сюда переехала... Муж Любы и мальчишки... Они ехали в город. Старший в училище поступил, в общежитие перебирался, его и вёз отец. А младший – за компанию просто поехал, провожать... Ну и... разбились они все трое – насмерть... Ровно через год, как я сюда переехала. Ровно через год... И нет теперь у Верки моей зятя. И нет теперь у Верки моей внуков. Только дочка несчастная и одинокая. Как у меня. Теперь – всё как у меня...

Исполняет желания... *(Снимает перстень.)* Такого я никак не желала. Но вот ведь...

Больше года уже прошло. И на кладбище местном есть теперь три могилки нашей семьи. И три места рядом свободны – для меня, для Веры моей и для дочки её, Любы...

Дина, Дина... Ты бы хоть похоронить меня приехала, что ли... А? Хотя... Всё я понимаю, всё... Конечно, ты сюда не приедешь, и не позвонишь... И ни на какую церемонию Лавра я, конечно, тоже не поеду... А зачем?.. Зачем?.. *(Снимает платье, скидывает туфли, надевает халат и тапочки.)*

8. Не формат.

Одна тысяча девятьсот семидесятый... Мне – сорок семь лет, а Диночке моей – восемь...

Достаёт конверты, открывает, читает – что-то про себя, что-то вслух, плачет. Я хочу, чтобы моя мама больше не била меня. Мне очень больно, но я могу потерпеть, если не проводом. Я и когда проводом могу потерпеть, но я не хочу, чтобы меня мама била, потому что потом она долго-долго плачет. Золотая рыбка, пожалуйста, пусть мама не плачет. И проводом пусть не бьёт. Когда проводом – очень сложно терпеть и следы потом долго. А мама смотрит на следы и снова плачет... Катя Перебежкина из Горького, девять лет.

Тётя Надя, передай золотой рыбке, что у нас нет дома. Нам не обязательно дворец, я всё понял в твоей сказке, надо не много просить. Подари нам просто квартиру с одной комнатой. Но пусть потолок будет не низко, а высоко. Я построю там второй этаж, и буду там жить, в своём маленьком домике. И никто мне тогда не скажет – не путайся под ногами. Я всё время путаюсь и всем мешаю. Особенно дяде Саше, который у нас живёт. А когда я не буду путаться, он не будет тогда ругаться на меня и бить маму... Я сначала думал прыгнуть из окна, чтобы не мешать. Мы в общежитии живём, на девятом этаже. А потом подумал, если у нас будет своя комната с высоким потолком, я смогу жить прямо под потолком. И больше не путаться... Коля Черемшов из Воронежа, восемь с половиной лет.

Странные какие-то письма... А... Это, видимо, те письма, которые не пустили в эфир... Не формат... Я, конечно, никогда и не читала все письма. Это редакторы читали, отбирали самые интересные для эфира. А эти... А эти они – отбраковывали. И сдавали потом в макулатуру... Удивительно, что сохранились.

(Берёт ещё письмо, читает.) Какая мрачная рыбка, надо же... Моя мама очень красивая и умная. Ещё у неё очень важная работа и она на неё работает. Она самая главная. Мама уходит очень рано, когда я сплю. И приходит очень поздно, когда бабушка меня заставляет спать. Золотая рыбка, пожалуйста, сделай так, чтобы я не засыпала вечером, пока не придёт мама. Тогда она поцелует меня, и мы будем рисовать. Я нарисую маме деньги, цветы, платья, и всё, что она захочет. Чтобы она не ходила за этим на работу. Прости, рыбка, что я нарисовала тебя серенькой, это потому что папиным карандашом. Но карандашей мне не надо, у нас их полно! Просто они все неточенные. И точить их не надо, рыбка. Мне только маму надо... Дина Градова из Москвы, восемь лет... Диночка? Дина?!..

Вскрывает другие мешки, и в каждом мешке оказываются письма от Дины.

Дина... И ещё – Дина Градова... И тут... Дина... Девочка моя... Ты думала... Ты думала – я читаю твои письма. Что я их читаю, и никак... И никогда... Даже порисовать с тобой!.. Почему же они?... Ну да, да – чтобы я не расстраивалась, не нервничала. Чтобы не отвлекалась на всякую ерунду. – На свою родную дочь... Господи, как же это так? И ты молчала... И ты затаилась... Девочка моя... Долго не может прийти в себя. Читает и перебирает письма, смотрит на фотографию.

9. Наизнанку.

Ну, нет – я поеду на эту церемонию. Я обязательно поеду!

Встаёт, снова надевает платье «от карниза», оправляется, готовится к «выходу» – в платье наизнанку и в стоптанных тапочках.

Что смотришь, Костя? Не узнаёшь? Не формат, да? Ничего, можешь не объявлять, я и так выйду на сцену. *(Обращается в зал.)* И вы меня не узнаёте, голубчики? Это же я – Надежда Лаврентьева! Ваша любимая и ненаглядная тётя Надя! Жива ещё, как видите. Жива... Была главной героиней телевидения, а теперь – героиня чужих репортажей! О трудной и бедной жизни. О забвении... Сорок лет славы и двадцать лет забвения! Всё по максимуму – высшая слава и низшее забвение. Смешно, да? Девочки и мальчики... Думаете, выжила из ума? Нет, это я, наоборот – только-только, кажется, и прозреваю... И вот что я вам скажу, девочки и мальчики. Ценности... Все эти ваши ценности – это же блеф, мусор, макулатура. А всё ценное – оно – вот где. *(Указывает на мешки, берёт письмо.)* Здесь... Всё смешалось, всё – вывернулось наизнанку.

(Обращается к зрителям.) Где сейчас ваши дети, а? Давно вы с ними рисовали? Не в кружке по рисованию, а сами? А родители ваши здоровы-счастливы? Вот вы – вы мужа своего любите, да? И вчера любили? Да-да, и в постели. Думаете, это ему не надо? Или он не достоин? А вы – вы жену свою носите на руках? И пусть 110 килограммов! Носите? А вы – вы все свои таланты раскрыли? И мечты все осуществляете? А жене своей помогаете раскрыться? И не только у плиты... А у вас – как дела у вас дома? Как обстановочка? Не мебель, а обстановочка как? Срач, да? И в отношениях так же, да? Ах, домработница у вас убирается. А сами что? Работа такая, что ж... Машина, образование, отдельная клетка со всеми удобствами... Да, да... Мама балерина – дочка по нянькам, мама певица – дочка у бабушки в Можайске. Где моя мама? Да вон она – в телевизоре пляшет. Телемамочка с телепапочкой!..

Переоценка ценностей, вот что нужно. Вот в чём дело... Вот вы помните, помните, что было главное для советского человека? Что? Работа! Работа и государство. Не родина, нет. Что для нас родина? Ни земли, ни корней... Панельные коробки, что ли родина? А когда нет родины, что её заменяет? – Государство. А для государства что нужно? Чтобы мы – работали, работали и работали!

Спящего и орущего дитя в семь утра – запихнуть в шубку, потом – в детский сад. И – работать! Пока дышишь, пока ноги можешь волочить – работай!

Или другой перекосяк. Дети! Дети – главное достояние. Всё лучшее – детям!.. А любовь между мамой и папой? Как можно детям передать что-то лучшее, если этого нет у тебя? Как можно передать любовь, если ты сам не живёшь в любви? Как можно передать здоровье, если ты сам болен? А ведь поделиться можно только тем, что имеешь. Только тем, что имеешь сам...

Это же сдвиг какой-то! Всё смешалось, всё – вывернулось наизнанку... С Хрюшей и Степашей я общалась больше, чем с собственным ребёнком!.. Это же бред. Помутнение какое-то... Вот смотри, Хрюша, как легко нарисовать рыбку! Вот ротик, глазик, плавнички, хвостик... А мой ребёнок – рыдает, закрывшись в комнате... Бред... Всё смешалось, всё – вывернулось наизнанку.

От всей души – первое ток-шоу отечественного телевидения. Сама душевная программа, самая душевная ведущая. Семьи восстанавливаются, слёзы любви и радости на лицах участников...

А дома? А дома – брошенный ребёнок, забытый муж, больная мама...

Как зомби. Робот. Эталонный робот. Красоты, женственности и материнской любви... Всё смешалось, всё – вывернулось наизнанку...

И так – везде, везде, везде!...

Хотя... А ведь я же видела другое... Один раз. В поездке, конечно, не в Москве...

Деревенька – маленькая такая, где-то на Алтае. Мы случайно там застряли со съёмочной группой. Машина у нас сломалась, и мы остались переночевать. Там несколько домов всего-то. Распределили нас по домам.... Я как зашла в свой домик... Как-то так уютно сразу стало! Крылечко деревянное, цветы у входа, виноград вокруг дома вьётся, ставенки резные, занавески вышитые, хлеб свой на столе, кошка мурлычет, дети голышом бегают – весёлые такие, загорелые... Словно из кино картинка. Из другого кино...

Я тогда, помню, как зашла в этот дом – так словно в пуховую перину нырнула после долгой маяты на ржавых гвоздях. Так хорошо там! Двое деток – мальчик лет шести и девочка лет трёх. И третьего ждут, он в животе ещё. Как же их родителей звали?.. Ну да, маму, как меня звали, Надеждой, а муж её... точно – Фёдор. Я ему, по привычке, даже глазки построила. Но куда там – он со своей Надюши глаз не сводит. Любуется так, словно первое свидание...

Они мне баньку натопили, накормили вкусностями со своего сада-огорода, уложили на веранде спать. А ночь звёздная была!.. Никогда не спала раньше на воздухе, а тут – как-то сразу согласилась. И вот... После того дня и той ночи – я потом неделю в себя приходила. Так всё перетряслось внутри!.. Видимо, на место как раз встать хотело... Но потом опять – съёмки, поездки, эфиры, концерты... И понеслось! Снова – смешалось, снова – вывернулось наизнанку.

А тогда, утром – мы сели с той семьёй чай пить. Спрашиваю, смотрят ли они телевизор? А зачем, говорят. Столько всего интересного вокруг, настоящего, а там – бутафория одна. Помню, так это слово меня тогда задело – бутафория. Это же и я, выходит – бутафория.

А что же настоящее, спрашиваю? Как отличить? Это же так просто, говорят! Настоящее – это то, что живое, а живое, это то, что излучает любовь. Вот как – излучает...

Тут дети их стали звать, чтобы поиграть во дворе. Вот что родители обычно говорят, когда их дети зовут, а они за столом с гостями? Отстаньте, сами поиграйте, у нас тут разговор взрослый, так ведь? А они – заулыбались, извинились, что оставляют меня одну чаёвничать – и за детьми побежали во двор. Там у них сад такой красивый...

А я стою у окна, смотрю, как они веселятся, кувыркаются... И слёзы текут. И никакой зависти тогда не было – это я точно помню. Просто смотрю и вижу – вот оно, счастье. Вот как оно выглядит. Всё так просто, так естественно... Вот оно – настоящее. То, что излучает любовь...

(Подходит к телевизору.) А что излучает этот экран? Чем он притягивает к себе миллионы людей? Почему все стремятся внутрь? А если не внутрь, так хоть около посидеть?.. Он же не настоящий. Он же – просто – бутафория! Суррогат счастья. Бутафория! Бу-та-фо-ри-я! *(Бьёт телевизор слабыми руками, потом ногами, палкой...)*

Отходит от разбитого телевизора, опускает палку, покрывает голову красным шарфом. Вот так, вот так лучше... всю жизнь я хотела быть мамой для всей страны, всю жизнь я хотела, чтобы меня все любили... А стала... А стала – телемамой. Бутафорской мамой, которая прожила такую же бутафорскую... *(Что-то словно кольнуло её в сердце, она сгибается, садится на табуретку.)* Дина? *(Озирается.)*

Дорогие мои девочки и мальчики, мамочки и папочки, бабушки и дедушки. Это была сказка об одной маленькой девочке, которая очень хотела, чтобы её все любили... Вот и сказочке конец, а кто слушал... *(Снова озирается.)* Дина? Диночка?

Подходит к кровати, смотрит на фотографию дочки, опускается на колени. Долго смотрит на фотографию.

Прости меня, девочка моя. Прости, если сможешь...

Падает головой на кровать.

10. Разговор по душам.

Откуда-то сверху раздаются голоса.

Голос ДИНЫ. Мама, мама!

Голос НАДЕЖДЫ ЛАВРЕНТЬЕВОЙ. Да, девочка моя! Диночка! Я знала, что ты меня позовёшь!

Голос ДИНЫ. Мама, я тут... То есть – там... Я там рожаю... Точнее, я никак не могу... Мне там больно, мама!

Голос Н.Л. Девочка моя... Я здесь, я с тобой... Как же...

Голос ДИНЫ. Мама, врач говорит – мне что-то мешает, что-то не даёт... Надо кого-то простить. И попросить прощения... У меня только ты... Мама! Мама, прости меня!

Голос Н.Л. Диночка! Доченька! Что ты! Это ты меня прости!

Голос ДИНЫ. Мама, прошу, прости меня! И за то, как я ударила тебя, толкнула, а ты сильно... Мама! Прости меня, мама!

Голос Н.Л. Конечно, Диночка! Я тебя прощаю! Я давно – всё-всё тебе простила! Я люблю тебя, девочка моя!

Голос ДИНЫ. Мама! Мама! Мамочка!..

Голос ВРАЧА 1. Как она?

Голос ВРАЧА 2. Уже в сознании.

Голос ВРАЧА 1. Ты меня слышишь?

Голос ДИНЫ. Да... Ай! Мама!

Голос ВРАЧА 1. Ты смотри, больше не пропадай, мамаша... Хорошо-хорошо... Идёт, идёт... Ещё чуток... Давай-давай, умничка... Ну, вот и она! Любуйтесь, мамаша – какая красавица! И длинная какая! Как назовёте?

Голос ДИНЫ. Надюшей. Девочка моя!.. Можно, я позвоню?

Голос ВРАЧА 1. Ох уж мне эти новые мамаша! Только родят – и давай звонить. Мужу?

Голос ДИНЫ. Нет. Сначала – маме...

Телефонный звонок. Надежда Лаврентьева так и сидит на полу, опустив голову на кровать, прямо под фотографией дочери.

Телефон продолжает звонить.

КОНЕЦ

Август 2009 года, г.Ростов-на-Дону.

e-mail: anna-donatova@yandex.ru , <http://www.donatova.ru/>

Последние версии пьес – на сайте автора. © Анна Донатова, 2009